

А.Л. Чекановский

**Дневник экспедиции
Александра Лаврентьевича
Чекановского по рекам
Нижней Тунгуске, Оленеку и
Лене в 1873-75 годах**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 91
ББК 26.8
А11

А11 **А.Л. Чекановский**
Дневник экспедиции Александра Лаврентьевича Чекановского по рекам
Нижней Тунгуске, Оленеку и Лене в 1873-75 годах / А.Л. Чекановский – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 304 с.

ISBN 978-5-518-07300-5

ISBN 978-5-518-07300-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Metereologie, изданномъ Академіей Наукъ, томъ 17 № 3, 1894 г., и обстоятельная обработка магнитныхъ наблюдений въ Запискахъ по общей географіи Географическаго Общества. Предполагалось издать, какъ дополненіе къ дневнику, еще описаніе проф. Освальда Геера ископаемыхъ растений, собранныхъ Чекановскимъ, въ переводѣ на русскій языкъ проф. И. Ф. Шмальгаузена, но это изданіе, требовавшее еще нѣсколько исправленій въ текстѣ, было приостановлено за смертью какъ профессора Геера, такъ и проф. Шмальгаузена.

Академикъ Ф. Шмидтъ.

20-го Мая 1896 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Введеніе	1
Очеркъ географической дѣятельности А. Л. Чекановскаго	15
Дневникъ А. Л. Чекановскаго по Нижней Тунгускѣ 1873 г.	28
Вторичное путешествіе его на р. Нижнюю Тунгуску и путь на Оленекъ (по письмамъ, опубликованнымъ въ Извѣстіяхъ И. Р. Г. О.).	124
Дневникъ путешествія по Оленеку 1874 г.	136
Общій обзоръ Оленекской экспедиціи (по письмамъ, опубликованнымъ въ Извѣстіяхъ И. Р. Г. О.)	165
Экспедиція по Ленѣ 1875 г.	
I. По Ленѣ до Якутска	195
II. По Ленѣ ниже Якутска и переходъ на Оленекъ.	208

ВВЕДЕНІЕ.

Результаты весьма плодотворной экспедиціи А. Л. Чекановскаго 1873—1875 годовъ въ значительной степени уже разработаны и опубликованы, но самые дневники его до сихъ поръ остались неизданными, большею частью потому, что не могли быть прямо напечатаны, а требовали еще нѣкоторой редакціи. Въ послѣднее время изданіе ихъ сдѣлалось возможнымъ, благодаря содѣйствию Ивана Дементьевича Черскаго, который взялъ на себя именно эту редакцію ихъ для печати.

Значеніе экспедиціи Чекановскаго теперь, можно сказать, окончательно выяснилось. Можно утвердительно сказать, что эта экспедиція самая богатая геологическими результатами, которая когда-либо дѣйствовала въ Сибири. Богатыя содержаніемъ донесенія его Географическому Обществу во время пути, переведены на всѣ языки и сдѣланы достояніемъ науки, и карты, составленныя имъ, значительно измѣнили и дополнили карту Азіатской Россіи.

Не желая повторять всѣ его донесенія, я ограничусь перепечатаніемъ послѣдней его статьи, предназначенной для чтенія въ отдѣленіи физической географіи въ октябрѣ 1876 г. и содержащей общій взглядъ на весь ходъ экспедиціи и на результаты добытые ею. Къ этой статьѣ удобно будетъ прибавить уже обзоръ ученыхъ работъ, содержащихъ обработку матеріаловъ,

собранных Чекановскимъ, и указаніе на тѣ части матеріала, которыя остаются еще необработанными.

Не будучи въ состояніи передать здѣсь подробную біографію покойнаго, мы въ кратцѣ повторимъ лишь то, что уже сказано раньше, именно въ некрологѣ, читанномъ секретаремъ Географическаго Общества въ годовомъ собраніи 1877 г. (см. отчетъ за 1876 г., стр. 11—13), въ некрологѣ, составленномъ докторомъ Дыбовскимъ для извѣстій Сибирскаго отдѣла (1877 г., стр. 78—81) и въ краткой моей біографіи, напечатанной въ *Russische Revue* 1877 г., стр. 164—170.

Александръ Лаврентьевичъ Чекановскій родился въ 1832 г. въ Волынской губерніи. Извѣстный ботаникъ Рудольфъ Эрнестовичъ Траутфеттеръ, бывший профессоромъ и потомъ ректоромъ Кіевскаго университета, хорошо знавалъ еще отца его, арендатора небольшого имѣнія. Крестнымъ отцомъ Чекановскаго былъ тоже извѣстный ботаникъ Бессеръ, который значительно содѣйствовалъ развитію въ молодомъ умѣ склонности къ естественнымъ наукамъ. Считаю умѣстнымъ включить сюда значительный отрывокъ изъ вышеупомянутаго некролога земляка его, доктора Дыбовскаго, который хорошо характеризуетъ исторію юности и развитія нашего Чекановскаго.

«Александръ Лаврентьевичъ Чекановскій—уроженецъ Волынской губерніи. Отецъ его, тоже естествоиспытатель, страстно занимавшійся энтомологіей, какъ видно, еще въ дѣтствѣ развилъ въ немъ любовь къ изслѣдованію природы, только усиливавшуюся съ годами: какъ глубока была эта любовь, свидѣтельствуемъ то, что Ал. Лавр. съ ранней юности и до самой смерти не измѣнилъ ей, слѣдуя неуклонно по разъ избранному — скромному и подчасъ тернистому — пути естествоиспытателя, не уклоняясь отъ него даже среди самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ.

Изъ Кіевской гимназіи, въ которой онъ получилъ школьное образованіе, Ал. Лавр. поступилъ въ Кіевскій университетъ Св. Владиміра, на медицинскій факультетъ. Надо полагать, что выборъ факультета обусловленъ былъ какими-нибудь особенными,

временными обстоятельствами, такъ какъ онъ никогда не чувствовалъ призванія къ этой специальности, выказывая даже нѣкоторое къ ней отвращеніе, въ особенности къ медицинскому ремеслу — или такъ называемой практической медицинѣ, въ чемъ убѣждаетъ насъ постоянное занятіе его предметами изъ области чистаго естествознанія, подъ руководствомъ профессоровъ Роговича, Феофилактова, Кесслера, и полнѣйшее пренебреженіе къ специально-медицинскимъ предметамъ. Предавшись сначала всестороннему изученію естествознанія, равно заинтересованный различными его отраслями, Ал. Лавр., со свойственнымъ ему увлеченіемъ, старался усвоить себѣ каждую изъ нихъ, какъ теоретически, такъ и практически; только впоследствии стало сказываться въ немъ рѣшительное предпочтеніе къ геологій, выработавшееся или вслѣдствіе увлеченія преподаваніемъ, или же въ сознаніи обширнаго поприща, предстоящаго, на этомъ пути, его дѣятельному уму, живому воображенію и подвижному темпераменту, охотно борющемуся съ физическими препятствіями, къ преодолѣванію которыхъ способенъ былъ его здоровый и сильный организмъ.

Нѣсколько лѣтъ университетскихъ занятій далеко подвинули познанія Ал. Лавр.: благодаря необычайнымъ дарованіямъ, громадной памяти и неутомимому труду, еще задолго до окончанія курса онъ могъ приняться за самостоятельный научный трудъ, и намъ извѣстно его изслѣдованіе гранитовъ Волынской и Подольской губ. — трудъ, который онъ привезъ почти совершенно оконченнымъ въ Дерптъ, куда прибылъ въ 1855 году.

Въ эпоху пятидесятыхъ годовъ, Дерптскій университетъ, въ которомъ многія кафедры заняты были европейскими знаменитостями (въ особенности по медицинскому и естественно-историческому отдѣлу), отличался передъ прочими русскими университетами дружественными отношеніями между профессорами и студентами, свободными отъ всякой оффиціозности, — и специализированіемъ каждой отрасли естествознанія въ отдѣльныхъ, подробныхъ и основательныхъ курсахъ; благодаря этому, многіе

студенты Кіевскаго, Московскаго и другихъ университетовъ перемѣщались въ Дерптъ, несмотря на то, что для поступленія въ тамошній университетъ предстояло преодолѣть немалую трудность — совладать съ нѣмецкимъ языкомъ, на которомъ читались лекціи и производились испытанія. Въ числѣ явившихся былъ и Ал. Лавр., котораго, сверхъ вышепомянутыхъ причинъ, привлекало въ Дерптъ еще и желаніе основательно ознакомиться съ развитыми въ остзейскомъ краѣ формаціями: силурійскою и девонскою, а также обстоятельно изучить хранящіяся въ минералогическомъ музеѣ университета богатыя коллекціи окаменѣлостей, добытыхъ изъ этихъ формацій въ остзейскомъ краѣ и Псковской губерніи. Иматрикулировавшись студентомъ медицины въ 1855 г., онъ вскорѣ перешолъ на *минералогическое отдѣленіе* естественно-историческаго факультета и всецѣло перешелъ къ изученію геологіи.

Этотъ новый курсъ ученія начать былъ Чекановскимъ безъ всякихъ видовъ на полученіе диплома, такъ какъ онъ не имѣлъ достаточно матеріальныхъ средствъ для того, чтобы пробыть въ университетѣ установленный четырехлѣтній срокъ. Горечь сознанія, что это обстоятельство заставляетъ его отказаться отъ научной карьеры, смягчалась для него глубокимъ убѣжденіемъ въ томъ, что основательное знаніе и энергія труда не преминутъ доставить ему, рано или поздно, извѣстность въ ученномъ мірѣ, помимо всякихъ дипломовъ на ученую степень. Поэтому онъ сразу не сталъ посѣщать лекцій по тѣмъ предметамъ, которые не состояли въ непосредственной связи съ избранною имъ спеціальностію, хотя и были обязательными для подвергавшихся оковчательному испытанію на ученую степень.

Предавшись совершенно научному труду, Ал. Лавр. не принималъ большаго участія въ проявленіяхъ корпоративной жизни «буршей», бывшей кипучимъ ключемъ въ дерптскомъ студенческомъ обществѣ того времени, но примкнувъ къ кружку естествоиспытателей-студентовъ, оцѣненъ былъ по достоинству и приобрѣлъ въ немъ нѣсколькихъ искреннихъ друзей. Тогда-то на-

чалась и упрочилась тѣсная дружба его съ теперешнимъ академикомъ, извѣстнымъ геологомъ Фридрихомъ Шмидтомъ и нѣсколькими другими товарищами, занявшими впоследствии весьма высокіе посты въ ученomъ мѣрѣ.

Во время пребыванія въ Дерптскомъ университетѣ Ал. Лавр. предпринималъ нѣсколько геологическихъ экскурсій, то одинъ, то сообща съ магистромъ Фр. Шмидтомъ и товарищами своими Иваномъ Нѣшковскимъ и Густавомъ Рупневскимъ, приобретаая практическія познанія по части геологіи, которыя намѣревался примѣнить впоследствии къ изученію мѣстностей по Днѣпру и Бугу, служившихъ въ оное время предметомъ частыхъ его разговоровъ.

Изъ многихъ трудовъ Чекановскаго, за время пребыванія въ Дерптѣ, слѣдуетъ указать на приведеніе въ порядокъ и опредѣленіе петрографической коллекціи университетскаго минералогическаго кабинета, совершенное имъ подъ руководствомъ профессора Гревинга. Окончивъ этотъ трудъ, онъ уже не долго оставался въ Дерптѣ, и уѣхавъ на лѣтніе каникулы 1857 года, больше туда не возвращался.

На родинѣ, куда возвратился Чекановскій, ему не представилось возможности заняться научнымъ трудомъ: стѣсняясь въ матеріальныхъ средствахъ и не находя возможности приобрести ихъ на такомъ поприщѣ, которое вполне соответствовало бы его способностямъ, научной подготовкѣ и завѣтнымъ мечтамъ, онъ рѣшился поступить на службу въ компанію Siemens и Halske, проводившую телеграфную линію въ Индію, мечтая о томъ, что со временемъ ему удастся получить назначеніе въ тѣ завѣтныя и мало извѣданныя страны Азіи, гдѣ всякому ученому, въ особенности натуралисту, предстоитъ обширнѣйшее поприще для труда. Въ ожиданіи осуществленія этихъ мечтаній, Ал. Лавр. не оставлялъ своихъ занятій геологіей; такъ, намъ извѣстно, что онъ занимался въ это время приведеніемъ въ порядокъ и опредѣленіемъ палеонтологическихъ коллекцій, приобретенныхъ для Кіевскаго университета.

Событія 1863 года неожиданно змінили маршрут, представлявшійся воображенію Ал. Лавр.: онъ попалъ въ Азію, но по сѣверному сибирскому тракту.

На этомъ трудномъ пути, Чекановскій, лишенный всякихъ средствъ, среди самой жалкой обстановки, не рѣдко находясь въ крайней нуждѣ, остался вѣренъ своему призванію натуралиста; дорогою онъ занимался коллекторскимъ трудомъ — на столько, конечно, на сколько дозволяли ему обстоятельства. Слѣдуя пѣшкомъ отъ Кіева до Тобольска съ товарищемъ и другимъ своимъ, Николаемъ Гартунгомъ, тоже натуралистомъ (химикомъ), они ухитрились собрать богатую коллекцію насекомыхъ. Занятіе это среди тяжелыхъ условій, въ какихъ находились путники, доставляя здоровую пищу уму, отвлекало его отъ углубленія въ плачевную дѣйствительность того времени, и благотворно дѣйствовало на обоихъ ученыхъ. Занятый опредѣленіемъ муравьевъ своей коллекціи, изучая ихъ въ увеличительное стекло, собственноручно отшлифованное изъ осколка разбившагося графина, Чекановскій забывалъ настоящее, оставался бодръ и нисколько не падалъ духомъ.

Однако продолжительное, длившееся почти цѣлый годъ страствованіе, среди условій, не удовлетворявшихъ самымъ существеннымъ требованіямъ гигиены, не могло не отразиться на его здоровьи, и въ Томскѣ онъ прибылъ уже больнымъ тифозной горячкой, въ началѣ зимы 1864—65 г.; вскорѣ положеніе его сдѣлалось безнадежнымъ, и спутники, отправлявшіеся въ дальнѣйшій путь, оставили его въ больницѣ, — почти уже при смерти.

Въ этомъ очеркѣ жизни Чекановскаго, фактъ его болѣзни не можетъ быть обойденъ молчаніемъ, не смотря на благопріятный, повидимому, исходъ ея, такъ какъ съ этою-то болѣзною, по всей вѣроятности, связано начало умственного недуга, преждевременно сведшаго его въ могилу.

Тифъ, господствовавшій въ то время по всему сибирскому тракту, жертвами котораго становились безразлично какъ слабые, такъ и самые здоровые организмы, оставлялъ во многихъ, под-

вергавшихся ему, неизгладимые слѣды. проявившіеся нерѣдко періодическимъ умственнымъ разстройствомъ; жертвой такихъ неблагопріятныхъ послѣдствій тифа палъ и Ал. Лавр. Чекановскій.

Со времени этой болѣзни, онъ былъ подверженъ періодическимъ припадкамъ меланхоліи, нѣсколько разъ проявившимся во время пребыванія его въ Сибири. Между тѣмъ какъ при полномъ здоровьи онъ всегда бывалъ дѣятельнымъ, исполненнымъ энергіи въ научныхъ трудахъ своихъ и путешествіяхъ, общительнымъ, веселымъ, исполненнымъ надеждъ на будущее и довольнымъ настоящимъ, находя въ немъ неисчерпаемый источникъ наслажденій въ рѣшеніи тѣхъ научныхъ задачъ, которыми онъ занимался съ полнымъ увлеченіемъ, — въ періодъ меланхоліи онъ становился болѣзненно-раздражительнымъ, подозрительнымъ и недовольнымъ всѣмъ его окружающимъ; онъ чуждался самыхъ близкихъ людей, уходилъ въ себя, падалъ духомъ и однажды (въ 1870 г.) даже помышлялъ о самоубійствѣ, какъ будто-бы для него исчезли заразъ всѣ цѣли жизни; всѣ научныя задачи, къ рѣшенію которыхъ онъ такъ настойчиво стремился, какъ будто лишались для него всякаго интереса! Этотъ нравственный недугъ, усиливаемый болѣзнію пищеварительныхъ органовъ, проявлялся въ немъ лишь изрѣдка и не бывалъ продолжителенъ, такъ что нерѣдко оставался незамѣченнымъ даже лицами, находящимися съ нимъ въ довольно близкихъ отношеніяхъ, но которыми не были извѣстны симптомы его болѣзни.

Еще не вполне оправившись отъ тяжелой болѣзни, Ал. Лавр. отправился изъ Томска въ Иркутскъ, оберегаемый по возможности отъ неудобствъ путешествія заботливостію сотоварища по Дерптскому университету, Льва Домбровскаго, и въ маѣ 1865 г. прибылъ на мѣсто назначенія — въ Забайкалье, по ту сторону Яблоноваго хребта.

Со времени путешествія Палласа, Даурія представляетъ особенный интересъ для всякаго естествоиспытателя; пытливый

умъ его жаждалъ дѣятельности, привычнаго научнаго труда, котораго онъ такъ долго лишень былъ силою обстоятельствъ. Но здѣсь ему не суждено было удовлетворить свою любознательность: благодаря особенности условій, въ какихъ Ал. Лавр. находился на этой классической почвѣ натуралистовъ, ему не было возможности провѣрить сдѣланныхъ предшественниками наблюдений, ни своими собственными трудами расширить кругъ знанія. Хотя перемѣщеніе въ Дарасунъ, къ юго-западу отъ Читы, послѣдовавшее въ началѣ 1866 г., и представило больше удобства для занятій составленіемъ коллекцій, но и тамъ не представилась Ал. Лавр. возможность отдаться своей спеціальности, такъ какъ лѣтомъ того-же 1866 г. ему необходимо было возвратиться въ Иркутскъ, чтобы отправиться на мѣсто новаго назначенія — ввязъ по Ангарѣ, въ село Братскій Острогъ. Заброшенный въ эту дальнюю мѣстность безъ необходимыхъ средствъ къ жизни и не находя возможности заняться болѣе соотвѣтственнымъ трудомъ, онъ долженъ былъ искать средствъ къ пропитанію въ крестьянскомъ трудѣ, въ непривычныхъ ему полевыхъ работахъ. Но и тутъ Ал. Лавр. не оставлялъ своихъ научныхъ занятій: даже при столь невыгодныхъ условіяхъ, онъ произвелъ много любопытныхъ наблюдений по части геологіи, составилъ разныя коллекціи и занимался метеорологическими наблюденіями, за недостаткомъ необходимыхъ инструментовъ прибѣгая къ придуманнымъ имъ самимъ приѣмамъ.

Въ этой глуши посѣтилъ его академикъ Ф. Шмидтъ; благодаря его энергическому ходатайству, подкрѣпляемому авторитетомъ Академіи Наукъ, которой представлены имъ были и коллекціи Чекановскаго, въ судьбѣ его наступилъ рѣшительный и благопріятный поворотъ. Ему разрѣшено было переѣхать въ г. Иркутскъ (1867 г.), гдѣ принялъ въ немъ искреннее участіе тогдашній предсѣдатель Спб. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ., покойный Б. К. Кукель, которому обязанъ былъ Чекановскій первыми средствами, необходимыми для того, чтобы начать серьезныя геологическія изслѣдованія».